

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Весёлый нрав

Отец оставил мне лучшее наследство – свой веселый нрав. А кто был мой отец? Ну, это к делу не относится! Довольно сказать, что он был живой весельчак, кругл и толст – словом, и душа и тело его были в разладе с его должностью. Да какую же он занимал должность, какое положение в обществе? Э, в том-то и дело, напиши или напечатай я это в самом начале, многие, пожалуй, отложили бы книжку в сторону: дескать это не по нашей части! И, однако, мой отец не был ни палачом, ни заплечных дел мастером; напротив, по своей должности он часто занимал место во главе почетнейших лиц города! Место это было его по праву, и вот ему приходилось быть впереди всех – даже впереди епископа и самих принцев крови: он восседал на козлах погребальной колесницы!

Ну, теперь все сказано! Я могу только прибавить, что, глядя на моего отца, восседающего на колеснице смерти, укутанного в длинный широкий черный плащ, в обшитой черными каймами треуголке на голове, глядя на его веселое круглое, как солнце, смеющееся лицо, никому и в голову не шли скорбные мысли о смерти и похоронах. Лицо моего отца так и говорило: «Пустяки, все обойдется лучше, чем думают!»

Так вот от него-то я и унаследовал свой веселый нрав и привычку посещать кладбище – это очень приятная прогулка, если только предпринимаешь ее в хорошем расположении духа. Кроме того, я тоже выписываю «Листок объявлений», как и мой покойный отец.

Я уже не очень молод, у меня нет ни жены, ни детей, ни библиотеки, но, как сказано, я выписываю «Листок объявлений» – и будет с меня! По-моему, это самая лучшая газета; то же говорил и покойный отец. «Листок» приносит свою пользу: дает все нужные человеку сведения; из него узнаешь, кто проповедует

с церковных кафедр, и кто – со страниц новых книг, где можно найти себе помещение, прислугу и где приобрести одежду, пищу, где открывается распродажа и где будут похороны; тут же знакомишься с положением благотворительности и с невинными стишками, узнаешь, кто желает вступить в законный брак, кто назначает или отвергает свидания! Тут вообще все так просто и естественно! И, по-моему, можно счастливо прожить весь свой век до самой смерти, довольствуясь одним «Листком объявлений», а к тому времени так разбогатеешь бумагой, что можно будет устроить себе из нее мягкую подстилку в гроб, если не любишь лежать на стружках!

Да, «Листок объявлений» и кладбище – вот два моих любимейших места духовных и физических экскурсий, два самых благодатных средства поддержания веселого нрава.

В редакцию «Листка» каждый может отправиться сам, без провожатого, но на кладбище пусть идет со мною! Пойдемте-ка туда в ясный солнечный день, когда деревья уже все покрыты зеленью, и погуляем между могилами! Каждая могила – своего рода закрытая книга; она лежит корешком кверху, так что всякий может прочесть ее заглавие, говорящее о ее содержании и в то же время ничего не говорящее! У меня же имеются более обстоятельные сведения, которые отчасти перешли ко мне от отца, отчасти собраны мною лично. Надо вам знать, что я веду особую могильную книгу, и мне от нее столько же пользы, сколько удовольствия. В нее занесены все эти могилы, да и еще кое-какие!

Ну вот мы и на кладбище.

Вот тут за выкрашенную белую краскою оградой, где рос когда-то розовый куст (теперь его нет больше, и только плющ с соседней могилы пробирается сюда, желая хоть немножко скрасить и чужую могилу), покоится глубоко несчастный человек, хотя при жизни-то он, как говорят, и пользовался полным благополучием, имел все, что нужно, и даже кое-что лишнее. Вся беда его была в том, что он уж слишком близко принимал к сердцу весь свет,

главным же образом искусство. Сидит, бывало, вечером в театре; тут-то бы ему и наслаждаться от всей души, так нет, куда! То зачем машинист пустил слишком сильный лунный свет, то зачем холщовое небо повисло впереди кулис, а не позади, то, наконец, зачем пальмы выросли на Амагере (Остров – предместье Копенгагена. – Примеч. перев.) кактусы в Тироле, а буки в горах Норвегии?! Как будто это не все равно! И кому нужно думать об этом? Ведь тут идет представление, ну и будь доволен тем, что дают! А то, бывало, ему вдруг покажется, что публика хлопает слишком уж усердно или, наоборот, слишком скупо. «Вот сырые-то дрова, – сейчас же заметит он, – никак не загорятся сегодня!» И он оборачивается посмотреть, что за публика собралась сегодня; видит, что люди смеются совсем невпопад, и начинает злиться еще пуще. Так он вечно злился, вечно страдал и был несчастнейшим человеком в мире. Теперь он успокоился в могиле.

А вот здесь погребен счастливец, то есть очень знатный господин высокого происхождения – в этом-то и было все его счастье, иначе бы из него никогда ничего не вышло! Да, просто приятно подумать, как премудро устроено все на белом свете! Платье он носил расшитое золотом и спереди и сзади, и употреблялся только для парада, как дорогая, вышитая жемчугом полоска, прикрывающая прочный шнурок звонка; за ним тоже скрывался прочный шнурок – помощник его, который, собственно, и нес службу, да продолжает нести ее и теперь за другую вышитую полоску. Премудро устроено все на белом свете! Как же тут впасть в меланхолию!

Здесь схоронен... да, печальная это история! Здесь схоронен человек, который шестьдесят семь лет все придумывал красное словцо, только для того и жил; когда же наконец ему действительно удалось придумать такое словцо, не пережил своего счастья, умер от радости! Так его словцо и пропало даром, никто и не услышал его! Могу себе представить, как мучает оно его даже в могиле! Как же! Подумайте только, вдруг словцо-то было такого рода, что его следовало пустить в ход

именно за завтраком, а покойник, как и все мертвецы, имеет, по общему поверью, право выходить из могилы лишь в полночь! Куда ж ему деваться со своим словцом?! Скажи он его не вовремя – оно ведь не произведет никакого впечатления, никого и не рассмешит даже! Так бедняку и приходится схорониться вместе со своим словцом в могиле. Да, печальная история!

Тут погребена одна скупая-прескупая дама. При жизни она вставала по ночам и мяукала, чтобы соседи подумали, будто она держит кошку, – вот какая была скупая!

Здесь покоится одна барышня из хорошего семейства; она вечно доставляла обществу удовольствие своим пением и пела обыкновенно: «Mimansa la voce». Правдивее этого она ничего не сказала во всю свою жизнь!

А вот здесь схоронена девица иного рода. Известно, что, когда канарейка, обитающая в сердце, начинает свистать вовсю, разум затыкает себе уши, и вот душа-девица очутилась в положении, присвоенном одним замужним! История печальная, но весьма обыкновенная. Пусть, однако, покоится с миром, не будем тревожить мертвых!

Тут лежит вдова; на устах у нее щебетали малиновки, а в сердце завывала сова. Она ежедневно отправлялась на добычу, выслеживая недостатки знакомых, как в старину выслеживал, бывало, «Друг полиции» (Газета, некогда выходившая в Копенгагене. – Примеч. перев.) неисправных домовладельцев, перед домами которых не было установленных мостиков через водосточные канавки.

А вот семейная могила. Между членами этой семьи царило такое трогательное единодушие, что если даже весь свет и газета их говорили так, а маленький сынишка приходил из школы и говорил: «А я слышал иначе», то он один и был прав, ведь он был членом семьи. Да случись даже, что дворовый их петух запел бы свое утреннее «кукареку» в полночь – значит, и было утро, что там ни говори все ночные сторожа и все городские часы вместе!

Великий Гете заканчивает историю своего Фауста словами: «Продолжение может последовать»; то же могу я сказать и о нашей прогулке по кладбищу. Я часто прихожу сюда. И случись, что кто-либо из моих друзей или недругов уж очень досадит мне, я иду сюда, выбираю местечко под зеленым дерном и отвожу его ему или ей, то есть тому, кого хочу похоронить, а затем и в самом деле хороню их. Вот они и лежат тут мертвые, бессильные, пока не встанут вновь обновленными и лучшими людьми. Я записываю всю их жизнь и деяния – как я их вижу и понимаю – в мою «могильную книжку». Вот как следовало бы поступать и всем: не сердиться, когда кто-нибудь насолит им, а сейчас же хоронить обидчиков, но ни за что не изменять своему веселому нраву да «Листку объявлений»: в нем пишет сама публика, хоть иногда ее рукою и водят при этом другие!

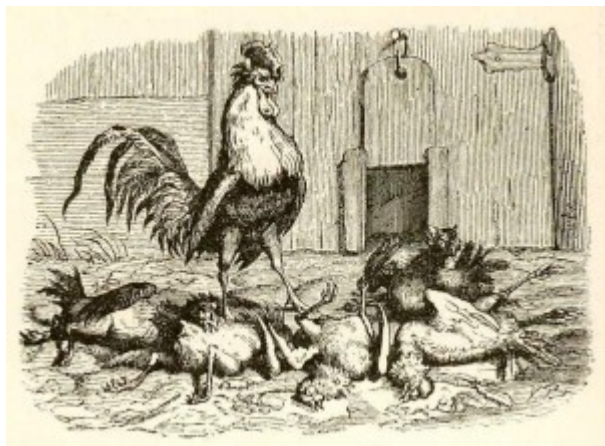
Итак, когда придет время, что и повесть моей жизни переплетут в могилу, пусть на ней напишут:

«Веселый нрав».

Вот она, повесть моей жизни!

Загрузка...

**Сказки Ханса Кристиана
Андерсена. Истинная правда**

– Ужасное происшествие!– сказала курица, проживавшая совсем на другом конце города, а не там, где случилось происшествие.– Ужасное происшествие в курятнике! Я просто не смею теперь ночевать одна! Хорошо, что нас много на нашесте!

И она принялась рассказывать, да так, что у всех кур пёрышки повставали дыбом, а у петуха съёжился гребешок. Да, да, истинная правда!

Но мы начнём сначала, а началось всё в курятнике на другом конце города.

Солнце садилось, и все куры уже были на нашесте. Одна из них, белая коротконожка, курица во всех отношениях добропорядочная и почтенная, исправно несущая положенное число яиц, усевшись поудобнее, стала перед сном чиститься и расправлять клювом пёрышки. И вот одно маленькое пёрышко вылетело и упало на пол.

– Ишь, как полетело!– сказала курица.– Ну, ничего, чем больше я чищусь, тем делаюсь красивее!

Это было сказано так, в шутку,– курица вообще была весёлого нрава, но это ничуть не мешало ей быть, как уже сказано, весьма и весьма почтенною курицей. С тем она и заснула.

В курятнике было темно. Куры все сидели рядом, и та, что сидела бок о бок с нашей курицей, не спала ещё; она не то, чтобы нарочно подслушивала слова соседки, а так, слушала краем уха,– так ведь и следует, если хочешь жить в мире с ближними!

И вот она не утерпела и шепнула другой своей соседке:

– Слышала? Я не желаю называть имён, но тут есть курица, которая готова выщипать себе все перья, чтобы только быть покрасивее. Будь я петухом, я бы презирала её!

Как раз над курами сидела в гнезде сова с мужем и детками; у сов уши острые, и они не упустили ни одного слова соседки. Все они при этом усиленно вращали глазами, а совиха махала крыльями, точно опахалами.

– Тс-с! Не слушайте, детки! Впрочем, вы, конечно, уж слышали? Я тоже. Ах! Просто уши вянут! Одна из кур до того забылась, что принялась выщипывать себе перья прямо на глазах у петуха!

– Prenez garde aux enfants— сказал сова-отец.— Детям вовсе не следует слушать подобные вещи!

– Надо будет всё-таки рассказать об этом нашей соседке сове, она такая милая особа!— И совиха полетела к соседке.

– У-гу, у-гу!— загоукали потом обе совы прямо над соседней голубятней.— Вы слышали? Вы слышали? У-гу! Одна курица выщипала себе все перья из-за петуха! Она замёрзнет, замёрзнет до смерти! Если уже не замёрзла! У-гу!

– Кур-кур! Где, где?— ворковали голуби.

– На соседнем дворе! Это почти на моих глазах было! Просто неприлично и говорить об этом, но это истинная правда!

– Верим, верим!— сказали голуби и заворковали сидящим внизу курам:

– Кур-кур! Одна курица, говорят, даже две, выщипали себе все перья, чтобы отличиться перед петухом! Рискованная затея! Можно ведь простудиться и умереть, да они уж и умерли!

– Кукареку!— запел петух, взлетая на забор.— Проспитесь.— У него самого глаза ещё совсем слипались от сна, а он уж кричал:

– Три курицы погибли от несчастной любви к петуху! Они выщипали себе все перья! Такая гадкая история! Не хочу молчать о ней! Пусть разнесётся по всему свету!

– Пусть, пусть!– запищали летучие мыши, закудахтали куры, закричали петухи.– Пусть, пусть!

И история разнеслась– со двора во двор, из курятника в курятник и дошла наконец до того места, откуда пошла.

– Пять куриц,– рассказывалось тут,– выщипали себе все перья, чтобы показать, кто из них больше исхудал от любви к петуху! Потом они заклевали друг друга насмерть, в позор и посрамление всему своему роду и в убыток своим хозяевам!

Курица, которая выронила одно пёрышко, конечно, не узнала своей собственной истории и, как курица во всех отношениях почтенная, сказала:

– Я презираю этих кур! Но таких ведь много! О подобных вещах нельзя, однако, молчать! И я, со своей стороны, сделаю всё, чтобы история эта попала в газеты! Пусть разнесётся по всему свету– эти куры и весь их род стоят того! И в газетах действительно напечатали всю историю, и это истинная правда: одному маленькому пёрышку куда как не трудно превратиться в целых пять кур!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана

Андерсена. В день кончины

Самый торжественный, великий день в жизни человека – день его кончины, священный день великого перерождения. А думали ли вы когда-нибудь серьезно, как следует, об этом важнейшем, неминуемом, последнем дне нашей жизни? Жил на земле строго верующий человек, «борец за букву закона», как его называли, ревностный слуга сурового Бога. И вот Смерть приблизилась к его одру; он узрел перед собою строгие небесные черты ангела Смерти.

– Час твой настал, следуй за мною! – сказал ангел, коснулся холодною, как лед, рукою ног человека – ноги окоченели; затем коснулся его чела и, наконец, сердца – оно перестало биться, и душа умершего последовала за ангелом Смерти.

Но в те несколько секунд, что протекли, пока смертный холод поднимался от ног к сердцу умирающего, перед взором его, словно огромные волны морские, пронеслось все пережитое и пережитое им во время земной его жизни. Так измеряет человек одним взглядом бездонную головокружительную глубину, обнимает одним молниеносным движением мысли неизмеримый, бесконечный путь, охватывает одним взглядом всю совокупность бесчисленных звездных миров, светил и планет, разбросанных в мировом пространстве.

В такие минуты грешника объемлет непобедимый трепет, ему не на что опереться, он как будто падает стремглав в какую-то бесконечную пустоту. Праведник же спокойно, как дитя, предает дух свой в руки Божий со словами: «Да будет воля твоя!»

Но этот умирающий не обладал душою ребенка; он чувствовал себя мужем. Он и не трепетал, как жалкий грешник, сознавая, что был истинно верующим, крепко держал все заветы, строго выполнял все религиозные обряды; а между тем сколько людей – как он знал – шли широкою дорогой греха, которая ведет прямо в ад! И он сам бы готов был истребить огнем и мечом здесь, на земле,

их тела, как были и будут истреблены там их души. Его же путь лежал прямо к небесам; небесное милосердие должно было раскрыть перед ним райские врата, как это обещано всем верующим.

И душа последовала за ангелом Смерти, кинув последний прощальный взор на ложе, где под белым саваном покоилась ее бренная оболочка, чуждое ей теперь олицетворение ее прежнего «я».

И вот они то летели, то шли не то по какому-то обширному покою, не то по лесу, где природа являлась, однако, подстриженной, подтянутой, подвязанной, искусственной, как в старинных французских садах. Тут давался маскарад.

– Вот тебе жизнь человеческая! – сказал ангел Смерти.

Все фигуры были более или менее замаскированы, так что не те из них, собственно, были благороднейшими или могущественнейшими, которые драпировались в бархат и золото, и не те низшими и ничтожнейшими, которые были одеты в рубища бедняков. Диковинный был маскарад, что и говорить! А всего диковиннее было старание каждого скрыть от других что-то под складками своего платья и в то же время распахнуть платье другого, чтобы открыть то, что прятал он! При удаче из-под платья всегда выставлялась голова какого-нибудь зверя: у того – гримасницы-обезьяны, у этого – гадкого козла, скользкой змеи или полужаснувшей рыбы!

Одним словом, из-под платья каждого человека выглядывал тот зверь, которого он носил в душе. И зверь этот прыгал, метался и порывался вырваться на волю, а человек старался плотно прикрыть его платьем, но другие люди срывали с него платье и кричали:

– Вот он каков, вот она какова, глядите, люди добрые! Каждый стремился обнажить больное место ближнего.

– Какой же зверь сидел во мне? – спросила странница-душа, и

ангел Смерти указал ей на горделивую фигуру впереди них; голова ее была окружена радужным ореолом, но у самого сердца виднелись ноги павлина; радужный ореол был не что иное, как хвост его!

Дальше на пути они увидали в ветвях деревьев безобразных птиц; они кричали человеческими голосами: «Странница, помнишь ли ты нас?» То были все дурные земные мысли и дела души; и вот теперь они кричали ей: «Помнишь ли ты нас?»

И душу объял трепет – она узнала по голосу все свои дурные мысли и дела, которые теперь свидетельствовали против нее.

– Плоть человеческая немощна, природа греховна! – сказала душа. – Но дурные мысли мои не переходили в дела, и мир не видел злых плодов!

И она заторопилась изо всех сил, стараясь скорее уйти от этих гадких черных птиц, но они так и кружились над ней и кричали все громче и громче, словно желая расславить ее на весь мир. Душа неслась, как гонимая лань, но чуть не на каждом шагу спотыкалась об острые камни и ранила себе ноги до крови.

– Откуда берутся тут эти острые камни? Вся земля усыпана ими, точно сухими листьями!

– А это – твои неосторожные, необдуманые слова, вырывавшиеся у тебя при жизни! Они уязвляли сердца твоих ближних куда глубже, больнее, чем теперь ранят эти камни твои ноги.

– Этого мне и в голову не приходило! – сказала душа.

– Не судите и не судимы будете! – прозвучало в воздухе.

– Все мы грешны! – сказала душа и вновь понеслась по воздуху.
– Я строго держался закона и Евангелия, делал все, что должно. Я не таков, как другие!

И вот они очутились у врат рая. Стоявший тут на страже ангел спросил:

– Кто ты? Скажи мне, какой ты веры, и свидетельствуй о ней делами своими!

– Я строго выполнял все заповеди Божий! Я смирялся перед очами света, ненавидел и преследовал зло и злых, что идут широким путем к вечному осуждению, и готов преследовать их огнем и мечом и теперь, насколько это будет в моей власти.

– Так ты из последователей Магомета? – спросил ангел.

– Я? Никогда!

– «Взявшиеся за меч – от меча и погибнут», – говорит Сын Божий; ты не его веры. Может быть, ты сын Израиля, повторяющий за Моисеем: «Око за око, зуб за зуб?» Ты сын Израиля и суровый Бог твой есть только Бог отцов твоих?

– Я христианин!

– Не узнаю тебя ни по вере, ни по делам твоим! Христос проповедовал прощение, любовь и милосердие!

– Милосердие! – прозвучало в бесконечном мировом пространстве, врата рая распахнулись, и душа устремилась в небесные чертоги.

Но оттуда струился такой ослепительный, всепроникающий свет, что душа отступила, как перед внезапно блеснувшим в воздухе мечом. Послышались дивные, нежные, за душу хватающие звуки... Описать их не в силах никакой человеческий язык, и душа вся затрепетала, голова ее стала клониться все ниже и ниже, колени подгибались! Небесный свет озарил ее, и она почувствовала, сознала то, чего раньше никогда не чувствовала, не сознавала, – всю тяжесть своих грехов: высокомерия и жестокосердия. Она вся просветлела и воскликнула:

– Все, что я сделала доброго, сделала я не сама по себе, а потому, что не могла иначе, зло же... исходило от меня самой!

И душа почувствовала, что вся бледнеет под лучами небесного света, бессильно пала на колени и как-то вся съежилась, ушла,

спряталась в самое себя. Она чувствовала себя такую подавленную, ничтожною, недостойною войти в царство небесное, а при мысли о строгом правосудии Божиим не смела даже воззвать к его милосердию.

И было ей явлено милосердие там, где она не ждала его.

Божье царство занимает бесконечное пространство, но любовь Божья наполняет его все с несказанною полнотою!

– Священна, блаженна и любима будь ты вовеки, душа человеческая! – прозвучало в воздухе.

И все мы, все задрожим в день нашей земной кончины перед блеском и великолепием небесным, низко опустим голову, смиренно преклоним колени, но вновь воздвигнутые любовью и милосердием Божиим, пойдем путями новыми и, становясь все лучше, чище и светлее, совершенствуясь все больше и больше, приблизимся наконец к небесному чертогу, и Он сам введет нас в светлую обитель вечного блаженства!

Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. История года

Дело было в конце января; бушевала страшная метель; снежные вихри носились по улицам и переулкам; снег залеплял окна домов, валился с крыш комьями, а ветер так и подгонял прохожих. Они бежали, летели стремглав, пока не попадали друг другу в объятия и не останавливались на минуту, крепко держась один за другого. Экипажи и лошади были точно напудрены; лакеи стояли на запятках спиною к экипажам и к ветру, а пешеходы старались держаться за ветром под прикрытием карет, едва тащившихся по глубокому снегу. Когда же наконец метель утихла и вдоль домов прочистили узенькие дорожки, прохожие беспрестанно сталкивались и останавливались друг перед другом в выжидательных позах: никому не хотелось первому шагнуть в снежный сугроб, уступая дорогу другому. Но вот, словно по безмолвному соглашению, каждый жертвовал одною ногой, опуская ее в снег.

К вечеру погода совсем стихла; небо стало таким ясным, чистым, точно его вымели, и казалось даже как-то выше и прозрачнее, а звездочки, словно вычищенные заново, сияли и искрились голубоватыми огоньками. Мороз так и трещал, и к утру верхний слой снега настолько окреп, что воробьи прыгали по нему, не проваливаясь. Они шмыгали из сугроба в сугроб, прыгали к прочищенным тропинкам, но ни тут, ни там не попадалось ничего съедобного. Воробышки порядком иззябли.

– Пип! – говорили они между собою. – И это Новый год! Да он хуже старого! Не стоило и менять! Нет, мы недовольны, и не без причины!

– А люди-то, люди-то что шуму наделали, встречая Новый год! – сказал маленький иззябший воробышек. – И стреляли, и глиняные горшки о двери разбивали, ну, словом, себя не помнили от радости – и все оттого, что старому паду пришел конец! Я было тоже обрадовался, думал, что вот теперь Наступит тепло; не тут-то было! Морозит еще пуще прежнего! Люди, видно, сбились с толку и перепутали времена года!

– И впрямь! – подхватил третий – старый воробей с седым хохолком. – У них ведь имеется такая штука – собственного их изобретения – календарь, как они зовут ее, и вот они воображают, что все на свете должно идти по этому календарю! Как бы не так! Вот придет весна, тогда и наступит Новый год, а никак не раньше, так уж раз навсегда заведено в природе, и я придерживаюсь этого счисления.

– А когда же придет весна? – спросили другие воробьи.

– Она придет, когда прилетит первый аист. Но он не особенно-то аккуратен, и трудно рассчитать заранее, когда именно он прилетит! Впрочем, уж если вообще разузнавать об этом, то не здесь, в городе – тут никто ничего не знает толком, – а в деревне! Полетим-ка туда дожидаться весны! Туда она все-таки скорее придет!

– Все это прекрасно! – сказала воробьяха, которая давно вертелась тут же и чирикала, но в разговор не вступала. – Одно вот только: здесь, в городе, я привыкла к некоторым удобствам, а найду ли я их в деревне – не знаю! Тут есть одна человечья семья; ей пришла разумная мысль – прибить к стене три-четыре пустых горшка из-под цветов. Верхним краем они плотно прилегают к стене, дно же обращено наружу, и в нем есть маленькое отверстие, через которое я свободно влетаю и вылетаю. Там-то мы с мужем и устроили себе гнездо, оттуда повылетели и все наши птенчики. Понятное дело, люди устроили все это для собственного удовольствия, чтобы полюбоваться нами; иначе бы они и пальцем не шевельнули! Они бросают нам хлебные крошки, – тоже ради своего удовольствия, – ну, а нам-

то все-таки корм! Таким образом, мы здесь до некоторой степени обеспечены, и я думаю, что мы с мужем останемся здесь! Мы тоже очень недовольны, но все-таки останемся.

– А мы полетим в деревню – поглядеть, не идет ли весна! – сказали другие и улетели.

В деревне стояла настоящая зима, и было, пожалуй, еще холоднее, чем в городе. Резкий ветер носился над снежными полями. Крестьянин в больших теплых рукавицах ехал на санях, похлопывая руками, чтобы выколотить из них мороз, кнут лежал у него на коленях, но исхудалые лошади бежали рысью; пар так и валил от них. Снег скрипел под полозьями, а воробьи прыгали по санным колесам и мерзли.

– Пип! Когда же придет весна? Зима тянется что-то уж больно долго!

– Больно долго! – слышалось с высокого холма, занесенного снегом, и эхом прокатилось по полям. Может статься, это и было только эхо, а может быть, и голос диковинного старика, сидевшего на холме на куче сена. Старик был бел как лунь – с белыми волосами и бородою, и одет во что-то вроде белого крестьянского тулупа. На бледном лице его так и горели большие светлые глаза.

– Что это за старик? – спросили воробьи.

– Я знаю его! – сказал старый ворон, сидевший на плетне. Он снисходительно признавал, что «все мы – мелкие птички перед творцом», и потому благосклонно взялся разъяснить воробьям их недоумение.

– Я знаю, кто он. Это Зима, старый прошлогодний повелитель. Он вовсе не умер еще, как говорит календарь, и назначен регентом до появления молодого принца, Весны. Да, Зима еще правит у нас царством! У! Что, продрогли небось, малыши?

– Ну, не говорил ли я, – сказал самый маленький воробышек, –

что календарь – пустая человечья выдумка! Он совсем не приноровлен к природе. Да и разве у людей есть какое-нибудь чутье? Уж предоставили бы они распределять времена года нам – мы потоньше, почувствительнее их созданы!

Прошла неделя, другая. Лес уже почернел, лед на озере стал походить на застывший свинец, облака... нет, какие там облака?! Сплошной туман окутал всю землю. Большие черные вороны летали стаями, но молча; все в природе словно погрузилось в тяжелый сон. Но вот по озеру скользнул солнечный луч, и лед заблестел, как расплавленное олово. Снежный покров на полях и на холмах уже потерял свой блеск, но белая фигура старика Зимы сидела еще на прежнем месте, устремив взор к югу. Он и не замечал, что снежная пелена все уходила в землю, что там и сям проглянули клочки зеленого дерна, на которых толклись кучи воробьев.

– Кви-вит! Кви-вит! Уж не весна ли?

– Весна! – прокатилось эхом над полями и лугами, пробежало по темно-бурым лесам, где стволы старых деревьев оделись уже свежим, зеленым мхом. И вот с юга показалась первая пара аистов. У каждого на спине сидело по прелестному ребенку: у одного – мальчик, у другого – девочка. Ступив на землю, дети поцеловали ее и пошли рука об руку, а по следам их расцветали прямо на снегу белые цветочки. Дети подошли к старику Зиме и прильнули к его груди. В то же мгновение все трое, а с ними и вся местность, исчезли в облаке густого, влажного тумана. Немного погодя подул ветер и разом разогнал туман; просияло солнышко – Зима исчезла, и на троне природы сидели прелестные дети Весны.

– Вот это так Новый год! – сказали воробьи. – Теперь, надо полагать, нас вознаградят за все зимние невзгоды!

Куда ни оборачивались дети – всюду кусты и деревья покрывались зелеными почками, трава росла все выше и выше, хлеба зеленели ярче. Девочка так и сыпала на землю цветами; у нее в переднике

было так много цветов, что, как она ни торопилась разбрасывать их, передник все был полнехонек. В порыве резвости девочка брызнула на яблони и персиковые деревья настоящим цветочным дождем, и деревца стояли в полном цвету, даже не успев еще как следует одеться зеленью.

Девочка захлопала в ладоши, хлопал и мальчик, и вот, откуда ни возьмись, налетели, с пением и щебетанием, стаи птичек: «Весна пришла!»

Любо было посмотреть кругом! То из одной, то из другой избушки выползали за порог старые бабушки, поразмять на солнышке свои косточки и полюбоваться на желтые цветочки, золотившие луг точь-в-точь как и в дни далекой юности старушек. Да, мир вновь помолодел, и они говорили: «Что за благодатный денек сегодня!»

Но лес все еще оставался буро-зеленым, на деревьях не было еще листьев, а одни почки; зато на лесных полянах благоухал уже молоденький дикий яминник, цвели фиалки и анемоны. Все былинки налились живительным соком; по земле раскинулся пышный зеленый ковер, и на нем сидела молодая парочка, держась за руки. Дети Весны пели, улыбались и все росли да росли.

Теплый дождичек накрапывал с неба, но они и не замечали его: дождевые капли смешивались со слезами радости жениха и невесты. Юная парочка поцеловалась, и в ту же минуту лес оделся зеленью. Встало солнышко – все деревья стояли в роскошном лиственном уборе.

Рука об руку двинулись жених с невестой под этот свежий густой навес, где зелень отливала, благодаря игре света и теней, тысячами различных оттенков. Девственно чистая, нежная листва распространяла живительный аромат, звонко и весело журчали ручейки и речки, пробираясь между бархатисто-зеленой осокой и пестрыми камушками. «Так было, есть и будет во веки веков!» – говорила вся природа. Чу! Закуковала кукушка, зазвенела песня жаворонка! Весна была в полном разгаре; только ивы все еще не снимали со своих цветочков пуховых рукавичек; такие уж они

осторожные – просто скучно!

Дни шли за днями, недели за неделями, землю так и обдавало теплом; волны горячего воздуха проникали в хлебные колосья, и они стали желтеть. Белый лотос севера раскинул по зеркальной глади лесных озер свои широкие зеленые листья, и рыбки прятались под их тенью. На солнечной стороне леса, за ветром, возле облитой солнцем стены крестьянского домика, где пышно расцветали под жгучими ласками солнечных лучей роскошные розы и росли вишневые деревья, осыпанные сочными, черными, горячими ягодами, сидела прекрасная жена Лета, которую мы видели сначала девочкой, а потом невестой. Она смотрела на темные облака, громоздившиеся друг на друга высокими черно-синими, угрюмыми горами; они надвигались с трех сторон и наконец нависли над лесом, как окаменелое, опрокинутое вверх дном море. В лесу все затихло, словно по мановению волшебного жезла; прилегли ветерки, замолкли пташки, вся природа замерла в торжественном ожидании, а по дороге и по тропинкам неслись сломя голову люди в телегах, верхом и пешком, – все спешили укрыться от грозы. Вдруг блеснул ослепительный луч света, словно солнце на миг прорвало тучи, затем вновь воцарилась тьма и прокатился глухой раскат грома. Вода хлынула с неба потоками. Тьма и свет, тишина и громовые раскаты сменяли друг друга. По молодому тростнику, с коричневыми султанами на головках, так и ходили от ветра волны за волнами; ветви деревьев совсем скрылись за частой дождевой сеткой; свет и тьма, тишина и громовые удары чередовались ежеминутно. Трава и колосья лежали пластам; казалось, они уже никогда не в силах будут подняться. Но вот ливень перешел в крупный, редкий дождь, выглянуло солнышко, и на былинках и листьях засверкали крупные перлы; запели птички, заплескались в воде рыбки, заплясали комары. На камне, что высовывался у самого берега из соленой морской пены, сидело и грелось на солнышке Лето, могучий, крепкий, мускулистый муж. С кудрей его стекали целые потоки воды, и он смотрел таким освеженным, словно помолодевшим после холодного купанья. Помолодела, освежилась и вся природа, все вокруг цвело с небывалою пышностью, силой и

красотой! Наступило лето, теплое, благодатное лето!

От густо взошедшего на поле клевера струился сладкий живительный аромат, и пчелы жужжали над местом древних собраний. Жертвенный камень, омытый дождем, ярко блестел на солнце; цепкие побеги ежевики одели его густою бахромой. К нему подлетела царица пчел со своим роем; они возложили на жертвенник плоды от трудов своих – воск и мед. Никто не видал жертвоприношения, кроме самого Лета и его полной жизненных сил подруги; для них-то и были уготованы жертвенные дары природы.

Вечернее небо сияло золотом; никакой церковный купол не мог сравниться с ним; от вечерней и до утренней зари сиял месяц. На дворе стояло лето.

И дни шли за дням, недели за неделями. На полях засверкали блестящие косы и серпы, ветви ветки яблонь согнулись под тяжестью красных и золотых плодов. Душистый хмель висел крупными кистями. В тени орешника, осыпанного орехами, сидевшими в зеленых гнездышках, отдыхали муж с женою – Лето со своею серьезною, задумчивою подругою.

– Что за роскошь! – сказала она. – Что за благодать, куда ни поглядишь! Как хорошо, как уютно на земле, и все-таки – сама не знаю почему – я жажду... покоя, отдыха... Других слов подобрать не могу! А люди уж снова вспахивают поля! Они вечно стремятся добыть себе больше и больше!.. Вон аисты ходят по бороздам вслед за плугом... Это они, египетские птицы, принесли нас сюда! Помнишь, как мы прилетели сюда, на север, детьми?.. Мы принесли с собой цветы, солнечный свет и зеленую листву! А теперь... ветер почти всю ее оборвал, деревья побурели, потемнели и стали похожи на деревья юга; только нет на них золотых плодов, какие растут там!

– Тебе хочется видеть золотые плоды? – сказала Лето. – Любишься! – Он махнул рукою – и леса запестрели красноватыми и золотистыми листьями. Вот было великолепие! На кустах шиповника засияли огненно-красные плоды, ветви бузины

покрылись крупными темно-красными ягодами, спелые дикие каштаны сами выпадали из темно-зеленых гнезд, а в лесу снова зацвели фиалки.

Но царица года становилась все молчаливее и бледнее.

– Повеяло холодом! – говорила она. – По ночам встают сырые туманы. Я тоскую по нашей родине!

И она смотрела вслед улетающим на юг аистам и протягивала к ним руки. Потом она заглянула в их опустевшие гнезда; в одном вырос стройный василек, в другом – желтая сурепка, словно гнезда только для того и были свиты, чтобы служить им оградой! Залетели туда и воробьи.

– Пип! А куда же девались хозяева? Ишь, подуло на них ветерком – они и прочь сейчас! Скатертью дорога!

Листья на деревьях все желтели и желтели, начался листопад, зашумели осенние ветры – настала поздняя осень. Царица года лежала на земле, усыпанной пожелтевшими листьями; кроткий взор ее был устремлен на сияющие звезды небесные; рядом с нею стоял ее муж. Вдруг поднялся вихрь и закрутил сухие листья столбом. Когда вихрь утих – царицы года уже не было; в холодном воздухе кружилась только бабочка, последняя в этом году.

Землю окутали густые туманы, подули холодные ветры, потянулись долгие темные ночи. Царь года стоял с убеленною сединой головою; но сам он не знал, что поседел, – он думал, что кудри его только запушило снегом! Зеленые поля покрылись тонкою снежною пеленою.

И вот колокола возвестили наступление сочельника.

– Рождественский звон! – сказал царь года. – Скоро народится новая царственная чета, а я обрету покой, унесусь вслед за нею на сияющую звезду!

В свежем, зеленом сосновом лесу, занесенном снегом, появился рождественский ангел и осветил молодые деревца,

предназначенные служить символом праздника.

– Радость в жилищах людей и в зеленом лесу! – сказал престарелый царь года; в несколько недель он превратился в белого как лунь старика. – Приближается час моего отдыха! Корона и скипетр переходят к юной чете.

– И все же власть пока в твоих руках! – сказал ангел. – Власть, но не покой! Укрой снежным покровом молодые ростки! Перенеси терпеливо торжественное провозглашение нового повелителя, хотя власть еще и в твоих руках! Терпеливо перенеси забвение, хотя ты и жив еще! Час твоего успокоения придет, когда настанет весна!

– Когда же настанет весна? – спросила Зима.

– Когда прилетят с юга аисты!

И вот седоволосая, седобородая, обледеневшая, старая, согбенная, но все еще сильная и могущественная, как снежные бури и метели, сидела Зима на высоком холме, на куче снега, и не сводила глаз с юга, как прошлогодняя Зима. Лед трещал, снег скрипел, конькобежцы стрелой скользили по блестящему льду озер, вороны и вороны чернели на белом фоне; не было ни малейшего ветерка. Среди этой тишины Зима сжала кулаки, и – толстый лед сковал все проливы.

Из города опять прилетели воробьи и спросили:

– Что это за старик там?

На плетне опять сидел тот же ворон или сын его – все едино – и отвечал им:

– Это Зима! Прошлогодний повелитель! Он не умер еще, как говорит календарь, а состоит регентом до прихода молодого принца – Весны!

– Когда же придет Весна? – спросили воробьи. – Может быть, у нас настанут лучшие времена, как переменится правительство!

Старое никуда не годится!

А Зима задумчиво кивала голому черному лесу, где так ясно, отчетливо вырисовывались каждая веточка, каждый кустик. И землю окутали облака холодных туманов; природа погрузилась в зимнюю спячку. Повелитель года грезил о днях своей юности и зрелости, и к утру все леса оделись сверкающей бахромой из инея, – это был летний сон Зимы; взошло солнышко, и бахрома осыпалась.

– Когда же придет Весна? – опять спросили воробьи.

– Весна! – раздалось эхом с снежного холма.

И вот солнышко стало пригревать все теплее и теплее, снег стаял, птички защибетали: «Весна идет!»

Высоко-высоко по поднебесью неся первый аист, за ним другой; у каждого на спине сидело по прелестному ребенку. Дети ступили на поля, поцеловали землю, поцеловали и безмолвного старика Зимы, и он, как Моисей с горы, исчез в тумане!

История года кончена.

– Все это прекрасно и совершенно верно, – заметили воробьи, – но не по календарю, а потому никуда не годится!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана

Андерсена. Старая могильная плита

Все домашние одного почтенного горожанина, имевшего в маленьком провинциальном городке собственный дом, собрались вечером в кружок и вели приятную беседу. Дело было как раз в ту пору года, когда, по поговорке, вечера выпячиваются, но погода стояла еще мягкая и теплая. В комнате горела лампа, длинные оконные занавеси спускались до самого пола, закрывая собою стоявшие на окнах цветы. На дворе ярко сиял месяц, но разговор шел не о нем, а о большом старом камне, что лежал во дворе у самого кухонного порога; на него опрокидывала прислуга вычищенную медную посуду, чтобы она пообсохла на солнышке, на нем любили играть и ребятишки, по-настоящему же камень был старою могильною плитой.

– Я думаю, – сказал хозяин дома, – что она со старого монастырского кладбища. Когда монастырь упразднили, все пошло в продажу – и кафедры, и доски с эпитафиями, и могильные плиты. Покойный отец мой купил много таких плит; их разбивали в мелкие куски и мостили ими улицу, а эта вот уцелела, да так и осталась лежать на дворе.

– Ведь сразу видно, что это могильная плита! – сказал старший из детей. – На ней еще можно разглядеть песочные часы и часть фигуры ангела; зато надпись почти совсем стерлась, и можно разобрать только имя Пребен, затем большую букву С, а пониже имя Марта, да и то лишь после дождя или после того, как плиту хорошенько вымоют.

– Ах, Господи! Так это плита с могилы Пребена Сване и его жены! – сказал один старичок, который по годам мог быть дедушкой всех присутствовавших в комнате. – Да, они чуть ли не последними были погребены на старом монастырском кладбище. Славные, почтенные были старички! Я помню их еще с детских лет. Все в городе знали и любили их; они были у нас тут

старейшею супружескою четой – королем с королевой. Говорили, будто у них сундуки ломятся от золота, а они одевались всегда так просто, в платье из самой грубой материи, и только белье на них всегда отличалось ослепительною белизной. Славною парочкой были старички Пребен и Марта! Любо было посмотреть на них, когда они, бывало, сидят под тенью старой липы на скамеечке, стоявшей на площадке высокой каменной лестницы их дома, и так ласково, приветливо кивают всем прохожим! Они делали много добра, и делали его с толком и по-христиански: кормили и одевали десятки честных бедняков.

Первою умерла жена. Я так живо помню этот день! Я был тогда еще мальчуганом, и мы с отцом зашли к старому Пребену как раз в самый день ее смерти. Старик был в такой горе, плакал, как ребенок. Тело умершей лежало в спальне, рядом с той комнатой, где мы сидели. Кроме нас с отцом пришли еще двое-трое соседей, и старик стал говорить нам о том, как пусто, одиноко будет теперь в доме, – она ведь была душою его, – как счастливо жили они с нею столько лет, а потом перешел к воспоминаниям о том времени, когда они только что познакомились и полюбили друг друга... Я, как сказано, был тогда еще очень мал, но все же слушал с большим вниманием, смешанным с каким-то удивлением. И немудрено: старик с таким жаром рассказывал о блаженных днях помолвки, о красоте своей невесты, о том, к каким невинным хитростям он прибегал, чтобы встретить ее, и лицо его оживлялось все больше и больше, щеки зарумянились! Затем он стал рассказывать о свадьбе, и глаза его заблестали еще ярче. Он словно опять переживал счастливейшие годы своей жизни... А подруга-то его уже лежала в это время в соседней комнате мертвая, и сам он был дряхлым-дряхлым стариком!..

Да, так-то оно бывает на свете! Вот и я в те времена был мальчуганом, а теперь – такой же старик, каким помню Пребена Сване! Время идет, и все на свете понемножку изменяется!.. Я так живо помню день похорон старушки! Пребен шел за гробом. Еще года за два до того старички заказали себе могильную плиту; на ней были уже вырезаны и надпись, и имена,

недоставало только года смерти. Вечером, в тот же день, плиту свезли на кладбище и положили на могилу старушки. Через год плиту приподняли – старик Пребен лег рядом с женою.

После них не осталось никаких богатств, о которых болтали люди. То же, что осталось, отошло к какой-то дальней родне, про которую тут ничего и не знали. Домик старичков, со скамеечкой на площадке лестницы, под тенью липы, был снесен по распоряжению магистрата – больно уж он был ветхим. Позже, когда пришел в ветхость и старый монастырь, кладбище упразднили, и могильная плита Пребена и Марты пошла в продажу вместе со всем остальным. Ну и случилось вот ей уцелеть! Теперь на ней играют дети, а прислуга сушит кухонную посуду! Новая же улица идет как раз над местом вечного успокоения старого Пребена и его супруги. И никто больше и не вспомнит их!..

Тут старик рассказчик грустно покачал головой.

– Забыты! Все на свете предается забвению! – добавил он.

Разговор перешел на другое, но самый младший мальчик, с большими серьезными глазами, вскарабкался на стул, откинул занавеси и стал смотреть на двор, где лежала вся облитая ясным лунным светом большая каменная плита. Прежде она казалась ему простым гладким камнем, теперь же стала для него как бы страницей, вырванною из старой хроники. Старый камень хранил в себе все, что слышал сейчас мальчик о Пребене и Марте. И мальчуган смотрел на него, смотрел на ясный, светлый месяц, на чистый прозрачный воздух, и ему казалось, что с месяца смотрит на землю лик самого Творца.

– Забыты! Все на свете предается забвению! – раздалось в комнате, и в ту же минуту незримый ангел поцеловал ребенка в грудь и в лоб и тихо прошептал: «Сохрани в душе зароненные туда семена. Храни их, пока они не созреют. Знай, дитя, что благодаря тебе стертая надпись старой могильной плиты вновь засияет перед грядущими поколениями золотыми буквами! Старые

супруги опять побредут рука об руку по улице, опять будут сидеть на скамеечке под тенью липы, такие же бодрые, свежие, с румянцем на щеках, и ласково кивать головою и бедному, и богатому. Пройдут годы, и зароненные в твою душу семена взойдут поэтическим творением. Доброе и прекрасное не предается забвению, но вечно живет в преданиях и песнях!»

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Лебединое гнездо

Между Балтийским и Северным морями со времен седой древности лежит лебединое гнездо; зовут его Данией; в нем родились и рождаются лебеди с бессмертными именами.

Давно-давно вылетела оттуда целая стая лебедей, перелетела через Альпы и спустилась в зеленые долины благословенного юга; звали их лангобардами.

Другая стая, в блестящем оперении, с ясными и честными глазами, улетела в Византию. Там лебеди уселись вокруг трона императора и распростерли на защиту его свои широкие белые

крылья, словно щиты. Лебедей тех звали варягами.

С берегов Франции раздался крик ужаса: с огнем под крылами неслись с севера кровожадные лебеди, и народ молился: «Боже, храни нас от диких норманнов».

На зеленом дерне, покрывающем открытый берег Англии, стоял датский лебедь, увенчанный тремя коронами, протягивая над страной свой золотой скипетр (Король Дании Кнуд Великий (умер в 1035 г.) объединил три северных государства: Данию, Швецию и Норвегию и присоединил к своим владениям Англию. – Примеч. перев.).

Язычники на берегах Померании преклонились перед датскими лебедями, явившимися к ним с знаменем креста (Датский флаг «Данеброг» – красный крест на белом поле. – Примеч. перев.) и с поднятыми мечами.

«Все это было во времена седой древности!» – скажешь, пожалуй, ты.

И ближайšie к нам времена видели вылетающих из гнезда могучих лебедей.

Вот дивный свет разлился в воздухе и озарил все части света – лебедь прорезал своими могучими крылами нависший над землей туман, и звездное небо явилось глазам людей во всей своей красе, стало к ним словно ближе. Лебедь этот был Тихо Браге.

«Да и это было давно! – говоришь ты. – А в наши дни?»

И в наши дни вылетают из гнезда могучие лебеди. Один скользнул крылами по струнам золотой арфы, и струны зазвенели на весь север, скалы Норвегии как будто выпрямились и заблестели, освещенные солнцем седой древности, зашумели сосны и ели, и северные боги, герои и благородные жены ясно выступили на темном фоне дремучих лесов (Здесь говорится об Эленшлегере (1779 – 1850), знаменитом датском поэте, воскресившем предания старины в своих дивных поэтических творениях. – Примеч. перев.

).

Другой лебедь ударил крылами по мраморной глыбе; она раскололась, и заключенные в камне образы вечной красоты вышли на свет Божий. Люди всех стран света подняли головы, чтобы узреть эти дивные образы! (Торвальдсен. – Примеч. перев.)

А третий лебедь дал крылья мысли, выпрял провод, который перекинули из страны в страну по всей земле, и теперь слова бегут по нему и облетают землю с быстротою молнии (Эрстед – датский ученый, прославивший свое имя открытием электромагнитной силы. – Примеч. перев.).

Господь возлюбил старое лебединое гнездо между Балтийским и Северным морями. Пусть-ка попробуют хищные птицы налететь и разорить его! «Не бывать этому!» (Слова короля Фредерика VII. – Примеч. перев.) Даже неоперившиеся еще птенцы усядутся по краям гнезда и – как мы уже видели не раз – грудью встретят врага, станут изо всех сил защищаться клювами и когтями!

И долго еще будут вылетать из гнезда лебеди на диво всему миру! Века пройдут прежде, чем воистину можно будет сказать: «Вот последний лебедь, вот последняя песнь, раздавшаяся из лебединого гнезда!»

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Через тысячу лет

Да, через тысячу лет обитатели Нового Света прилетят в нашу старую Европу на крыльях пара, по воздуху! Они явятся сюда

осматривать памятники и развалины, как мы теперь осматриваем остатки былого величия южной Азии.

Они прилетят в Европу, через тысячу лет! Темза, Дунай, Рейн будут течь по-прежнему; Монблан все так же гордо будет поднимать свою снежную вершину, северное сияние – освещать полярные страны, но поколения за поколениями уже превратятся в прах, длинный ряд минутных знаменитостей будет забыт, как забыты имена тех, что почивают в кургане, на котором благодушный мельник, собственник его, поставил себе скамеечку, чтобы сидеть тут и любоваться волнующейся нивой.

– В Европу! – воскликнут юные поколения американцев. – В страну наших отцов, в страну чудных воспоминаний, в Европу!

Воздушный корабль прибывает; он переполнен пассажирами, – он ведь мчится куда быстрее парохода. Электромагнитный провод, протянутый под морем, уже передал, как велико число пассажиров воздушного поезда. Вот показалась и Европа, берега Ирландии, но пассажиры еще спят; они велели разбудить себя только над самой Англией. Тут они спустятся на землю и очутятся в стране Шекспира, как зовут ее сыны муз, или в стране машин и политики, как называют ее другие.

Целый день стоит здесь поезд – вот сколько времени может занятое и непоседливое поколение уделить великой Англии и Шотландии!

Дальше путь идет по подводному туннелю; ведет он во Францию, страну Карла Великого и Наполеона. Вспоминается имя Мольера, ученые заводят разговор о классической и романтической школах седой древности, восхваляют героев, поэтов и людей науки, которых еще не знает наше время, но которые должны народиться в европейском кратере – Париже.

Из Франции воздушный корабль несется в страну, откуда вышел Колумб, где родился Кортес, где слагал звучными стихами свои драмы Кальдерой. В ее цветущих долинах еще живут черноокие красавицы, а в старинных песнях живет имя Сида, упоминается

Альгамбра.

Перелетают море, и вот путешественники в Италии, где лежал когда-то древний вечный город Рим. Он исчез с лица земли, Кампанья превратилась в пустыню, от собора Петра осталась одна полуразрушенная стена; ее показывают всем путешественникам, но подлинность ее подлежит сомнению.

Дальше – в Грецию, чтобы проспать ночь в роскошном отеле на вершине Олимпа; тогда дело сделано: были, дескать, и там! Поезд направляется к берегам Босфора, чтобы остановиться на несколько часов у того места, где некогда лежала Византия. Бедные рыбаки закидывают свои сети у тех берегов, где, по преданию, расстилались во времена турецкого владычества гаремные сады.

Пролетают над развалинами больших городов по берегам Дуная, – городов этих наше время еще не видало. То тут, то там спускается воздушный поезд, останавливаясь в местах, богатых воспоминаниями, которые еще породит время.

Вот внизу Германия, некогда сплошь опутанная густою сетью железных дорог и каналов, страна, где проповедовал Лютер, пел Гёте, держал композиторский скипетр Моцарт. И другие великие имена сияют в науке и искусстве, имена, которых мы еще не знаем. Один день посвящается обозрению Германии, один – странам севера: родине Эрстеда, родине Линнея и Норвегии, стране древних героев и юных норвежцев; Исландию захватывают на обратном пути. Гейзер не кипит более, Гекла потухла, но могучий скалистый остров возвышается из пены морских волн, как вечный памятник саг.

– В Европе есть на что посмотреть! – говорят юные американцы.– И мы осмотрели все в одну неделю. Это вполне возможно, как уже доказал и великий наш путешественник – называют имя своего современника – в своем знаменитом сочинении: «Вокруг Европы в восемь дней».

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Прекраснейшая роза мира

В саду могущественной королевы были собраны цветы всех времен года, всех частей света; особенно же много было роз, любимых цветов королевы, роз всех родов и видов – от дикого шиповника с зелеными, душистыми листьями до прекраснейших роз Прованса. Они вились по стенам дворца, обвивали колонны и окна, пробивались в коридоры и тянулись к самым потолкам дворцовых покоев. Что за дивное разнообразие запахов, форм и красок было в саду королевы!

Но в самом дворце царили печаль и горе. Королева лежала на смертном одре; врачи объявили, что час ее кончины близок.

– Единственное средство спасти королеву, – сказал мудрейший из врачей, – принести ей прекраснейшую розу мира, эмблему высшей, чистейшей любви. Королева не умрет, если узрит эту розу прежде, нежели сомкнет глаза навеки.

И вот стар и млад потянулись к одру королевы с самыми прекраснейшими розами, какие только цвели в стране, но между ними не было той розы! Та роза цвела в саду любви! Но какая же именно была эмблемой высшей, чистейшей любви?

И скальды пели о прекраснейшей розе мира, но каждый воспевал свою. Тогда кликнули клич по всей стране, воззвали ко всем сердцам, бьющимся любовью, обратились ко всем сословиям, всем возрастам!

– Никто еще не назвал настоящей розы! – сказал мудрец. – Никто не указал, где она цветет во всей своей красе. Не из гроба Ромео и Джульетты, не из могилы Вальборги (Героиня трагедии Эленшлегера «Аксель и Вальборга», сюжет которой заимствован из старинной народной песни о несчастной любви Акселя и Вальборги. – Примеч. перев.) выросла она, – хотя розы с их могил вечно будут благоухать в преданиях и песнях, – не из окровавленных копий Винкельрида, не из священной крови, брызнувшей из груди героя, умершего за отечество, – хотя и нет смерти слаще этой, нет розы краснее пролитой за отечество крови! И не ей посвящает свою молодую жизнь человек, проводящий, годы за годами, целые дни и долгие бессонные ночи, ухаживая за магической розой науки!

– Я знаю, где цветет та роза! – сказала счастливая мать, явившаяся к одру королевы с крошечным ребенком на руках. – Я знаю, где надо искать прекраснейшую розу мира – эмблему высшей, чистейшей любви. Она цветет на румяных щечках моего милого крошки, когда он, подкрепившись сном, открывает веселые глазки и любовно улыбается мне!

– Прекрасна эта роза, но есть еще прекраснее! – сказал мудрец.

– Да, куда прекраснее! – сказала одна из женщин. – Я видела ее. Священнее этой розы нет на свете, но она была бледна, как лепестки чайной розы. Я видела ее на щеках королевы; она сняла свою королевскую корону и ходила всю долгую, томительную ночь, баюкая свое больное дитя, плача над ним, целуя его и молясь за

него, как только может молиться мать в часы смертельного страха за дорогого ребенка!

– Священна белая роза скорби, велико могущество ее, но все же это не та роза!

– Я видел ее, прекраснейшую розу мира, видел перед алтарем Господним! – сказал благочестивый старик епископ. – Она сияла, как светлый лик ангела. Молодые девушки шли к причастию, возобновить обет, данный при крещении, и на их свежих щечках цвели алые и белые розы. И вот перед алтарем стояла одна молодая девушка; всею душою, полною небесной чистоты и любви, возносилась она к Богу. Вот она – чистейшая, высшая любовь!

– Благословенна такая любовь, но все же никто не назвал еще прекраснейшей розы мира! – сказал мудрец.

Вдруг в комнату вошел маленький сынок королевы; в глазах его стояли слезы, щеки были влажны; он нес в руках большую раскрытую книгу в бархатном переплете с серебряными застежками.

– Мама! – сказал ребенок. – Послушай, что я сейчас прочел! И дитя присело у постели больной и прочло из книги о том, кто добровольно умер на кресте ради спасения всех людей, даже ради не родившихся еще поколений!

– Нет выше этой любви!

И щеки королевы окрасились румянцем, глаза широко раскрылись: она увидела, что из листов книги выросла вдруг прекраснейшая роза мира, живое подобие той, что выросла из крови Христа, пролитой на кресте!

– Я вижу ее! – сказала она. – И вовеки не умрет тот, кто узрел перед собою эту розу, прекраснейшую розу мира!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Есть же разница!

Стоял май месяц; воздух был еще довольно холодный, но все в природе – и кусты, и деревья, и поля, и луга – говорило о наступлении весны. Луга пестрели цветами: распускались цветы и на живой изгороди; а возле как раз красовалось олицетворение самой весны – маленькая яблонька вся в цвету. Особенно хороша была на ней одна ветка, молоденькая, свеженькая, вся осыпанная нежными полураспустившимися розовыми бутонами. Она сама знала, как она хороша; сознание красоты было у нее в соку. Ветка поэтому ничуть не удивилась, когда проезжавшая по дороге коляска остановилась прямо перед яблоней и молодая графиня сказала, что прелестнее этой веточки трудно и сыскать, что она живое воплощение юной красавицы весны. Веточку отломали, графиня взяла ее своими нежными пальчиками и бережно повезла домой, защищая от солнца шелковым зонтиком. Приехали в замок, веточку понесли по высоким, роскошно убранным покоем. На открытых окнах развевались белые занавеси, в блестящих, прозрачных вазах стояли букеты чудесных цветов. В одну и ваз, словно вылепленную из свежеснега, поставили и ветку яблони, окружив ее свежими светло-зелеными буковыми ветвями. Прелесть, как красиво было!

Ветка возгордилась, и что же? Это было ведь в порядке вещей!

Через комнату проходило много разного народа; каждый посетитель смел высказывать свое мнение лишь в такой мере, в какой за ним самим признавали известное значение. И вот некоторые не говорили совсем ничего, некоторые же чересчур много; ветка смекнула, что и между людьми, как между растениями, есть разница.

Одни служат для красоты, другие только для пользы, а без третьих и вовсе можно обойтись, – думала ветка.

Ее поставили как раз против открытого окна, откуда ей были видны сад и поле, так что она вдоволь могла наглядеться на разные цветы и растения и подумать о разнице между ними; там было много всяких – и роскошных и простых, даже слишком простых.

– Бедные отверженные растения! – сказала ветка. – Большая в самом деле разница между нами! Какими несчастными должны они себя чувствовать, если только они вообще способны чувствовать, как я и мне подобные! Да, большая между нами разница! Но так и должно быть, иначе все были бы равны!

И ветка смотрела на полевые цветы с каким-то состраданием; особенно жалким казался ей один сорт цветов, которыми кишмя кишели все поля и даже канавы. Никто не собирал их в букеты, – они были слишком просты, обыкновенны; их можно было найти даже между камнями мостовой, они пробивались отовсюду, как самая последняя сорная трава. И имя-то у них было прегадкое: чертовы подойники (датское название одуванчиков. – Перев.). – Бедное презренное растение! – сказала ветка. – Ты не виновато, что принадлежишь к такому сорту и что у тебя такое гадкое имя! Но и между растениями, как между людьми, должна быть разница!

– Разница? – отозвался солнечный луч и поцеловал цветущую ветку, но поцеловал и желтые чертовы подойники, росшие в поле; другие братья его – солнечные лучи – тоже целовали бедные цветочки наравне с самыми пышными.

Ветка яблони никогда не задумывалась о бесконечной любви господина ко всему живому на земле, никогда не думала о том, сколько красоты и добра может быть скрыто в каждом божьем создании, скрыто, но не забыто. Ничего такого ей и в голову не приходило, и что же? Собственно говоря, это было в порядке вещей! Солнечный луч, луч света, понимал дело лучше.

– Как же ты близорука, слепа! – сказал он веточке. – Какое это отверженное растение ты так жалеешь?

– Чертовы подойники! – сказала ветка. – Никогда из них не делают букетов, их топчут ногами – слишком уж их много! Семена же их летают над дорогой, как стриженная шерсть, и пристают к платью прохожих. Сорная трава, и больше ничего! Но кому-нибудь да надо быть и сорною травой! Ах, я так благодарна судьбе, что я не из их числа!

На поле высыпала целая толпа детей. Самого младшего принесли на руках и посадили на травку посреди желтых цветов. Малышка весело смеялся, шалил, колотил по траве ножками, кувыркался, рвал желтые цветы и даже целовал их в простоте невинной детской души. Дети постарше обрывали цветы прочь, а пустые внутри стебельки сгибали и вкладывали один их конец в другой, потом делали из таких отдельных колец длинные цепочки и цепи и украшали ими шею, плечи, талию, грудь и голову. То-то было великолепиие! Самые же старшие из детей осторожно срывали уже отцветшие растения, увенчанные перистыми коронками, подносили эти воздушные шерстяные цветочки – своего рода чудо природы – ко рту и старались сдуть разом весь пушок. Кому это удастся, тот получит новое платье еще до Нового года, – так сказала бабушка.

Презренный цветок оказывался в данном случае настоящим пророком.

– Видишь? – спросил солнечный луч. – Видишь его красоту, его великое значение?

– Да, для детей! – отвечала ветка.

Приплелась на поле и старушка бабушка и стала выкапывать тупым обломком ножа корни желтых цветов. Некоторые из корней она собиралась употребить на кофе, другие – продать в аптеку на лекарство.

– Красота все же куда выше! – сказала ветка. – Только избранные войдут в царство прекрасного! Есть же разница и между растениями, как между людьми!

Солнечный луч заговорил о бесконечной любви божьей ко всякому земному созданию: все, что одарено жизнью, имеет свою часть во всем – и во времени и в вечности!

– Ну, это только вы так думаете! – сказала ветка.

В комнату вошли люди; между ними была и молодая графиня, поставившая ветку в прозрачную, красивую вазу, сквозь которую просвечивало солнце. Графиня несла в руках цветок, – что же еще? – обернутый крупными зелеными листьями; цветок лежал в них, как в футляре, защищенный от малейшего дуновения ветра. И несла его графиня так бережно, как не несла даже нежную ветку яблони. Осторожно отогнула она зеленые листья, и из-за них выглянула воздушная корона презренного желтого цветка. Его-то графиня так осторожно сорвала и так бережно несла, чтобы ветер не сдул ни единого из тончайших перышек его пушистого шарика. Она донесла его целым и невредимым и не могла налюбоваться красотой, прозрачностью, всем своеобразным построением этого чудо-цветка, вся прелесть которого – до первого дуновения ветра.

– Посмотрите же, что за чудо создал господь бог! – сказала графиня. – Я нарисую его вместе с веткой яблони. Все любят ее, но милостью творца и этот бедненький цветочек наделен не меньшею красотой. Как ни различны они, все же оба – дети одного царства прекрасного!

И солнечный луч поцеловал бедный цветочек, а потом поцеловал цветущую ветку, и лепестки ее как будто слегка покраснели.

 Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Свиньи

Стоило милейшему Чарлзу Диккенсу рассказать нам о свинье, мы и смеемся теперь, едва услышим ее хрюканье. Святой Антоний тоже взял свиней под свое покровительство, а вспомнив о блудном сыне, непременно вспомнишь и о свином закутке. Перед таким-то закутком и остановился однажды наш экипаж. У самой дороги стоял крестьянский дом, а тут же, под боком у него, и свиной закуток. Другой такой вряд ли бы где нашелся! Это была огромная старинная парадная карета. Вынули из нее сиденья, сняли колеса и без дальнейших церемоний ткнули в землю брюхом. Теперь в ней сидели четыре свиньи, но были ли они первыми, попавшими сюда, – сказать мудрено. О том же, что нынешнее помещение их – урожденная парадная карета, свидетельствовало все, до сафьянового лоскутка, остатка внутренней обивки, включительно. И все, что мы рассказываем, истинная правда!

«Хрю-хрю!» – слышалось из кареты, а сама карета скрипела и трещала, жалуясь на судьбу. Да, конец печальный! «Конец, конец красным денькам!» – вздыхала она или по крайней мере могла бы вздыхать.

Случилось нам опять проехать мимо нее осенью. Карета стояла на том же месте, но свиней в ней уже не было. Они теперь хозяйничали в лесу. Дождь так и сек деревья, а ветер рвал с них листья, ни на минуту не давая им отдыха. Птички все давно улетели. «Конец красным денькам!» – вздыхала карета. То же самое твердила и вся природа, и ей вторило человеческое

сердце: «Конец красным денькам! Конец чудному зеленому убору леса, теплomu солнышку и пению птичек, всему, всему!»

То же слышалось и в скрипенье дерев, тот же скорбный глубокий вздох слышался и из самой сердцевины розового куста. Это вздыхал царь роз. Знаешь ли ты его? Его нетрудно узнать: он весь одна борода, чудеснейшая красно-зеленая борода. Подойди к розовому кусту осенью, когда цветов на нем уже нет, а лишь одни красноватые плоды. Между ними часто сидит и большой красно-зеленый поросший мхом цветок. Это-то и есть царь роз, единственный мужчина на всем розовом кусте; на маковке у него торчит маленький зелененький листочек; это его султан. Так вот этот-то царь и вздыхал:

– Конец! Конец! Конец красным денькам! Конец розам! Листья все опали! Птички замолкли! Сыро, мокро! Свиньи пошли по желудям, свиньи хозяйничают в лесу!

Ночи пошли холодные, дни серые, но ворон, сидя на ветке, все-таки кричал: «Браво! браво!» Вороны и вороны облепили все ветви; эта семейка ведь не из маленьких! И все кричали одно и то же: «Браво! браво!» А большинство всегда ведь право.

Под высокими деревьями в овраге образовалось настоящее месиво, и тут-то валялись свиньи – и большие, и маленькие; уж так-то им здесь было вольготно! «Oui! Oui!» – твердили они. Больше они по-французски не знали, но ведь и это уже кое-что. Ах, они были такие умные и такие жирные. Старые лежали смирно; они что-то думали. Молодые, напротив, резвились напропалую. У одного маленького поросенка кончик хвостика завернулся в колечко. Мать поросенка не могла налюбоваться на эту завитушку, гордилась ею. И ей казалось, что все только и смотрят на завитушку, только и думают о ней, – а хоть бы кто! Каждый думал о самом себе да о том, что можно извлечь из этого леса.

Свиньи всегда полагали, что желуди растут на корнях деревьев, оттого всегда и рылись в земле, и вдруг явился один такой

молокосос-поросенок – это уж вообще дело молодежи являться с новостями – и объявил, что желуди падают с ветвей. Ему самому один желудь угодил прямо в голову. Это подало ему первую идею, он стал наблюдать и окончательно уверился в своем предположении. Старые свиньи сбились головами в кучу и хрюкали: «Конец убранству! Конец птичьей пискотне! Подавайте нам теперь плодов! Что можно слопать, то и годится, а слопать можно все!»

«Oui! Oui!» – хрюкали все.

А мамаша поросенка глядела на сыночка с завитушкой на хвостике и говорила: «Нельзя же вовсе забыть и о красоте!»

«Браво! Браво!» – закаркал ворон, слетевший сюда, чтобы занять ампула соловья. Кому-нибудь да надо занимать его, вот ворона и приняла.

«Конец! Конец! – вздыхал царь роз. – Конец красным денькам!»

Было сыро, холодно и ветрено; дождь повис над лесом и полем, точно морской туман, и так и сек, так и хлестал их. Куда подевались все певуньи-птички, куда подевались цветы с лугов и сладкие ягодки из леса? Конец, конец всему!

И вдруг в домике лесника блеснул, словно звездочка, огонек, и между деревьями проскользнул длинный луч света. Из домика послышалась песня. Это играли вокруг старичка дедушки ребятишки. Он же сидел с Библией на коленях, читал им из нее о Боге и о вечной жизни и говорил, что весна опять придет, лес опять зазеленеет, розы вновь расцветут, соловьи запоют, и красота снова взойдет на трон!

Но царь роз ничего этого не слышал. Он сидел в сырости и мокроте и вздыхал: «Конец! Конец!»

А свиньи все хозяйничали в лесу, и мамаша поросенка все любовалась на его завитушку.

«Всегда ведь найдутся ценители прекрасного!» – твердила она.

 Загрузка...